

Национальный состав российского генералитета 1812 года

В. М. Безотосный

Недавно увидевший свет справочник о генералах и адмиралах 1812 г. содержит 550 биографий людей, игравших видную роль в событиях той эпохи¹. Хотя нельзя с полной уверенностью говорить, что там представлен исчерпывающий генеральский список того времени, но он дает возможность не только уточнить количественные данные о высшем командном составе российской армии, но и попытаться определить национальный состав генералитета, что представляет определенный интерес, так как генеральские споры в то время зачастую принимали национальную окраску.

Основным источником для изучения этой стороны дела являются формулярные списки генералов, большей частью хранящиеся в архивах и до сих пор не включенные в научный оборот. Но точная идентификация вызывает затруднения: в формулярных списках военнослужащих первой половины XIX в. графа о национальной принадлежности отсутствовала. Главное значение придавалось тогда социальному статусу, подданству и лишь во вторую очередь — вероисповеданию. Только иногда встречаются записи с минимальной информацией о национальном происхождении. Но термин «нация», хотя бы в членившем понимании, в формулярах все же встречается. Среди списков генералов за разные годы можно найти единичные упоминания о голландской, швейцарской, греческой, датской, итальянской, юведской, финляндской и австрийской нациях; французская, немецкая и «лифляндская» фигурировала в записях по два раза, а сербская указана у троих. Чаще всего в делопроизводственной документации употреблялся термин «уроженец», но в большинстве случаев в качестве уточняющего дополнения к сведениям о социальном статусе военнослужащего.

Даже первичный анализ формулярных списков позволяет сделать вывод, что для определения национальности не подходят современные мерки, а необходимо учитывать критерии, которыми руководствовались люди прошлого века. Часто фамилия говорила лишь о принадлежности к определенному роду, причем в случае длительного проживания этого рода в России и ассимиляции, она могла уже не соответствовать первоначальному национальным корням, поэтому запись в формулярном списке может послужить лишь отправной точкой для дальнейших изысканий. Целесообразно отдельно говорить о родовом происхождении, а затем уже пытаться определять национальность, учитывая при этом многие факторы — поддан-

ство, семейно-родственные связи, исторические корни рода, среду проживания, воспитание, вероисповедание и т. д.

Показателен пример с генералом А. И. Кутайсовым. Его отец, И. П. Кутайсов, турецким мальчиком попал в плен, был окрещен в православную веру, а затем, благодаря близости к Павлу I, достиг высших ступеней иерархии. Несмотря на турецкое происхождение отца, А. И. Кутайсов по вероисповеданию и воспитанию считался стопроцентным русским.

Запись о происхождении одного и того же лица могла со временем значительно изменяться. Например, если в формулярном списке И. Я. Шнеберга на 1811 г. имелась фраза: «Лифляндской нации из шляхтичей», то в списке на 1816 г. она оказалась унифицированной в соответствии с уже общепринятой канцелярской терминологией: «Из лифляндских дворян». Часто сведения о происхождении у отцов не повторялись у сыновей. К примеру, у генерала от инфантерии Б. Ф. Кнорринга (1817 г.) значилось: «Из эстляндского шляхетства лютеранского закона», а у его сына полковника К. Б. Кнорринга (1812 г.) уже записано: «Из дворян нации лифляндской». В заполнении формулярных списков в это время происходило определенное упрощение. Можно сравнить записи у отца и сына Дибичей. У старшего, принятого на русскую службу в 1798 г., имелась запись: «Из рыцарских древних немецких дворян, бывший помещик разных деревень в Шлезвиге и Богемии», у младшего же, зачисленного в русскую армию в 1801 г., запись оказалась минимальной и резко отличавшейся от отцовской: «Из силезских дворян»².

В целом, генеральские формуляры часто позволяют лишь приблизительно определить вероисповедание и национальность³. Во многих из них помещалось стандартное лаконичное: «из дворян». Для лиц с русскими фамилиями в этом случае определение национальной принадлежности не встречает препятствий. Сложнее, когда такая запись оказывалась сделанной на носителей иноземных фамилий; особенно трудно точно идентифицировать фамилии с полонизированными окончаниями на «ий» или «ич» (Потоцкий, Браницкий, Юзефович, Капцевич и т. д.). Тогда для определения необходимо привлекать другие источники.

Но в формулярах встречаются и более пространные записи с привязкой к географическим пунктам и территориям (губерниям, уездам, островам, городам и т. д.), или даже к государствам, а также с упоминанием о подданстве и вероисповедании. Особенно это характерно для служивших в русской армии лиц с иноземными фамилиями. В сведениях о них часто встречается весьма экзотический текст, дающий простор для исследовательских фантазий. Приведем несколько таких записей из формулярных списков: «Из голштинских дворян лютеранского закона российский уроженец» (Б. Б. Фок), «Из грузинских князей российский уроженец Черниговской губернии» (С. Э. Жевахов), «Из лифляндского дворянства секретарский сын лютеранского закона» (Ф. Е. Книпер), «Сербской нации из дворян уроженец г. Акена» (И. М. Дука), «Из купцов города Рима католического закона в российском вечном подданстве» (Ф. П. Наний), «Из вольноопределявшихся шведской нации лютеранского закона» (Г. Х. Шеле), «Греческого дворянства из архонских детей» (Д. Д. Курута), «Из армянских князей Карабахского ханства» (В. Г. Мадатов), «Сербского шляхетства из обер-офицерских детей» (Н. В. Вуич), «Из Модены, что в Италии» (Ф. О. Паулуччи), «Из дворян уроженец Вюртемберг-штутгартский» (К. Ф. Левенштерн), «Из немецких рейхс-графов» (И. В. Мантейфель), «Греческого исповедания бывшего Венецианского владения из графской фамилии г. Рязану состоит в вечном российском подданстве» (П. И. Ивелич), «Голландской нации штаб-офицерский сын в вечном российском подданстве и принятый в сословие российских дворян» (П. К. Сухтелен). В записях формуляров у исконых подданных русского нация чаще всего имеют лишь краткие и менее пространные указания на губернии и уезды, где они были записаны в дворянские книги или имели поместья.

Даже поверхностное знакомство с биографиями носителей иностранных

Безотосный Виктор Михайлович — кандидат исторических наук, зав. отделом Государственного исторического музея.

фамилий выявляет ряд трудностей при определении их национальности. Вопрос о фамильных корнях бывает очень сложен и заставляет исследователя проследить жизненный путь нескольких поколений. Но источники позволяют сделать некоторые выводы. В начале XIX в. не всегда родовое имя, унаследованное от одного из прауродителей, соответствовало национальной принадлежности предков, особенно если они по каким-либо мотивам покинули родину ранее XVIII века. Поэтому для выявления истины необходимо учитывать переселенческие процессы и ряд других шансов, в частности, вопрос о вероисповедании.

В начале XIX в. обычная практика военного делопроизводства не слишком углублялась в проблему вероисповедания российских уроженцев. В силу всем известного предпочтения каждой крупной национальности Российской империи к одной из признанных в стране конфессий современникам и без того было ясно, что русские в основной массе исповедовали православие, поляки — католицизм, а остзейцы (лифляндцы, эстляндцы и курляндцы) придерживались «лютеранского закона». Поэтому запись об отношении военнослужащего к разряду российских, польских, лифляндских и т. д. дворян как бы уже подразумевала конкретное вероисповедание. Чаше всего в формулярных списках вопрос о вероисповедании поднимался в отношении выходцев с территорий, недавно присоединенных к России, иностранцев или лиц, исповедовавших нетрадиционную для их народа религию.

В первую очередь речь идет о своего рода европейских «изгоях», переселявшихся в другие страны из-за религиозных гонений: шотландцев и французов-протестантов, со временем потерявших связи с исторической родиной.

Лица с французскими фамилиями можно разделить на две категории. Первая — эмигранты-роялисты, бежавшие от ужасов революции. Эти 10 человек попали в Россию не ранее самого конца XVIII в. и сохранили все свойства французской нации. Вторая — потомки французских дворян-гугенотов. После отмены Нантского эдикта в 1685 г. их предки, лишившись свободы вероисповедания, покинули Францию и поселились в соседних странах. Выявить принадлежность к каждой из эти групп позволяют записи в формулярах. Роялисты поголовно являлись католиками, у остальных же фигурировала запись о принадлежности их к реформаторской церкви. Протестанты с французскими фамилиями — это А. А. де Скалон, А. А. Бельгард, М. И. Понсет (Понсе), Ф. Ф. Довре, Ф. Г. Гогель. Дед Скалона первоначально перебравшись в Швецию, а оттуда в 1710 г. приехал в Россию. Отец Скалона, родившийся уже в России, дослужился до генеральских чинов, так же как отец Гогеля, прибывший в 1775 г. на русскую службу из Монбельяра (Франш-Конте — тогда вюртембергское владение). Деды Бельгарда, Понсета и Довре в конце XVII в. обосновались в Саксонии, имевшей на протяжении всего XVIII в. тесные дружественные связи с Россией. Отец Бельгарда уже в середине XVIII в. перешел на русскую службу, и его сын учился в Артиллерийском и Инженерном шляхетском корпусе в Петербурге перед тем как вступить в ряды русской армии. Предки Понсета и Довре оказались инкорпорированными в состав саксонского дворянства, неслучайно оба учились в Дрездене, а в Россию попали позднее. В русскую службу один вступил в 1806, другой в 1795 году. Весьма закономерно выглядит и запись в их формулярных списках: «Из саксонских дворян». Вероятно, они были больше немцами, чем французами. По воспоминаниям Д. А. Милюгина, в круге светских знакомств семьи Понсе «пресладал петербургский немецкий элемент», а когда он женился на дочери генерала, то после венчания в православной церкви в дом был приглашен пастор, совершивший церемонию по реформаторскому обряду и произнесший «по-немецки длинную, прочувствованную речь». У Гогеля в формулярном списке значится: «Из российских дворян». Хотя он родился в Саратове, где его отец занимал должность комиссара немецких колоний, современники не считали его русским. Например, швейцарец К. К. Фези, служивший с ним в русской армии, в одном из писем 1823 г. назвал его «природным финляндцем», а Довре определил как эмигранта, родом из Берлина. Характерно, что

и К. Клаузевиц считал Довре «саксонцем по рождению». У Бельгарда и Скалона, проведенных детство в России, указано, что они из французских дворян. Но у Бельгарда сыновья были названы немецкими именами. В формулярном списке Скалона, несмотря на запись о происхождении («Французской нации из шляхетства, уроженец российской, лютеранского закона, генерал-лейтенанта сын»), в графе о знании языков отмечены только русский и немецкий⁴. Человек, не владевший языком предков (а французский, кроме того, являлся общеупотребительным даже в русской и немецкой дворянской среде), вряд ли мог претендовать на принадлежность к французской нации. Запись о его происхождении, вероятно, была автоматически перенесена из формуляра отца. Поэтому в отношении потомков французских протестантов можно предположить, что больше оснований причислить их к немцам французского происхождения.

В рядах сухопутного генералитета 1812 г. четверо носили шотландские фамилии (Р. Е. Ренни, М. Б. Барклай де Толли, Ф. Ф. Левиз оф Менар, Д. Е. Лесли). Их предки после долгих странствий и скитаний прижились в России. Представители рода Лесли в русских источниках встречаются с начала XVII в., скоро они приняли православие, обрусели и влились в ряды российского дворянства. Д. Е. Лесли можно считать русским. Шотландские предки остальных попали в Россию через Германию, в разное время перебравшись оттуда в Прибалтику. Их потомки уже считались остзейцами, попавшими в состав Российской империи в XVIII веке. Только у Ренни в формуляре было записано: «Из шотландских дворян» (и в детстве более двух лет вместе с отцом прожил в Шотландии), но его родной матерью являлась лифляндская дворянка урожденная фон Эссен. У остальных уже значилось: «Из лифляндских дворян».

В литературе запутан вопрос о национальной принадлежности М. Б. Барклая де Толли. Большинство авторов, когда имя этого знаменитого русского полководца было реабилитировано в историографии, почему-то стали называть его шотландцем, как бы романтизируя его генеалогические корни. Но тогда, базирясь на такой логике, многих русских дворян, учитывая их предков, от которых они вели свою родословную, можно смело причислить к немцам, татарам, шведам, полякам, литовцам, грекам и т. д. Барклай же, если исходить из его родственных связей, национального окружения, вероисповедания, воспитания и родного языка, можно назвать только прибалтийским немцем (лифляндцем). Именно так определяли современники его двух родных братьев, тоже служивших в русской армии, — Эрика-Иоганна (Ивана) и Генриха-Иоганна (Андрея). Для лучшей убедительности проследим известные в литературе генеалогические связи прибалтийского рода Барклаев по прямой линии⁵. Родоначальник рижской ветви, перебравшийся из Ростка в Лифляндию в 1664 г. Иоганн Стефан Барклай, был женат на дочери немецкого юриста Анне-Софии Деренталь. Его старший сын Вильгельм был бургомистром Риги. Сын Вильгельма Рейнгольд-Готгард Барклай де Толли (1726—1775) женился на эстляндской дворянке Маргарите-Елизавете фон Смиттен. Они-то и стали родителями будущего полководца, нареченного при рождении Михаэлем Андреевичем. Михаилом Богдановичем Барклай стали именовать в русских документах позднее, уже по поступлении его на военную службу. Женился он на родственнице матери Августе-Елене фон Смиттен. Немецкие родственники и имена в четырех поколениях, также как и близкое немецкоязычное семейное окружение, дают прямые доказательства в пользу суждения об изменении его национальной принадлежности. Шотландской оставалась только фамилия, а свидетельства того, что он знал язык отдаленных предков, найти не удалось. В формулярных списках Барклая говорилось, что он умел читать и писать «по-русски, по-немецки и по-французски». Подтверждается мнение современников, что он был лифляндским немцем, как и остальные прибалтийские носители шотландских фамилий. Прибавим, что к шотландцам можно отнести двух российских адмиралов — Р. В. Кроуна и А. С. Грейга (последний был сыном известного российского адмирала С. К. Грейга).

Еще одна национальная группа в генералитете, условно говоря итальянская, насчитывала 11 человек. Условно, поскольку в те времена на Апеннинском полуострове не существовало еще единого государства, и записи в формулярах отчасти отражали тогдашнюю пестроту названий мелких государств. Среди этих генералов по одному представителю Тосканы, Модены и Рима, а также, помимо двух российских уроженцев с итальянскими корнями (И. П. Росси, А. Ф. Санти), выходец с Корсики К. А. Поццо ди Борго, являвшийся по формальным признакам того времени подданным Франции. С большими оговорками сюда же можно прибавить и швейцарца А. Г. Жомини, предки которого также имели итальянские корни. Но самое большое представительство в русской армии дали пьемонтские дворяне. Пьемонт, или, как тогда часто писали, Сардинское королевство, оказался одним из первых государств, втянутых в войны наполеоновской эпохи. Но в состав его территории входила с давних пор и франкоговорящая провинция Савойя. Мало того, страной правили монархи из Савойского дома, естественно, широко привлекавшие к себе на службу савойцев. Когда же французы изгнали правящую династию, а Савойя оказалась присоединенной к Франции, то в эмиграцию отправилось большое количество савойских дворян. Из пяти русских генералов — выходцев из Пьемонта (К. де Местр, О. П. Венансон, А. Ф. Мишо, И. Н. Галатте де Жепола, О. И. Манфреди) савойские корни можно обнаружить у первых троих лишь по французскому звучанию фамилий. Косвенным признаком можно считать отсутствие записи о знании итальянского языка в формулярном списке. Исключая Манфреди, формуляр которого пока не выявлен, лишь в документах Галатте и Мишо есть фраза о знании итальянского, у Местра и Венансона упоминание о владении господствующим языком основного населения Пьемонта отсутствует, но становится понятным, почему пьемонтские офицеры, попавшие в Россию, по слову Ж. де Местра (брата генерала), говорили «на прекрасном французском языке»⁶.

Трудно определить национальную принадлежность К. А. Крейца. Его славянские предки еще до XVII в. были онемечены и занимали видное положение в Пруссии, а затем переселились в Польшу, где его дед получил графский титул. Сам же он лишь в 1800 г. перешел на русскую службу из генерал-адъютантов последнего польского короля, причем до 1839 г. носил нехарактерный для польского дворянства баронский титул. В его послужных списках встречаются самые разнообразные записи: «Из курляндских дворян баронского рода», «Из дворян Литовско-Виленской губернии», «Из дворян графского достоинства вероисповедания римско-католического». Кем его считать — поляком? немцем? С одной стороны, среди российских генералов — природных немцев мы находим единственного католика — «уроженца города Кобленца курфюрства Тирского католического закона» Х. И. Трусона, с другой — в формуляре Крейца запись, характерная только для польских дворян, о знании польского языка и латыни⁷. В данном случае решение затруднительно. Можно лишь высказать предположение, что больше доводов считать его поляком. В пользу этого говорит двухвековое проживание в Польше его предков, вероисповедание и воспитание, а также наличие в среде шляхты Речи Посполитой довольно большого количества дворян с немецкими фамилиями.

Не менее сложный случай с И. О. де Витгом, фамилия которого имеет голландское происхождение. Но в его формуляре отмечено: «Вероисповедания греко-российского из дворян графского достоинства Подольской губернии». Он был старшим сыном подольского коменданта де Витта от брака с знаменитой красавицей фавориткой (гречанкой) Софией Маврокордато (во втором браке — Потоцкой). Воспитанный в православии, И. О. де Витт (по законам империи дети принимали православие, если хотя бы один из родителей исповедовал эту религию) вырос в магнатской среде под влиянием польской культуры. Русское командование перед 1812 г. использовало его знакомства и родственные связи в высшем польском обществе для получения разведывательной информации, но до конца не доверяло ему. В инструкции 1811 г. предписывалось «не входить с ним в искренние изъяс-

нения и не доверять ему таких дел, обнаружение коих могло бы навредить нашим пользам»⁸. В общем мнении он считался провокатором и авантюристом (в 1809 г. служил волонтером в армии Наполеона в кампаниях против австрийцев). Впоследствии репутация де Витта у высшего начальства исправилась, но его не считали своим, русским, несмотря на православие. В целом, исходя из национальной принадлежности родителей, его нельзя назвать ни голландцем, ни греком.

Особо выделим генералов с западноевропейскими фамилиями, не приписанными к остзейскому дворянству. Их отцы получили социальный статус за службу, поэтому записи в формулярах о происхождении в таковых случаях весьма разнообразны. Часто указывались лишь чины отцов или писались стандартные фразы: «Из дворян», «Из российских дворян», «Из воинских дворян», «Из штаб-офицерских детей», иногда «Из дворян N... губернии». Часто упоминание о национальной принадлежности отсутствовало, что особенно характерно для лиц, как тогда говорили «темного происхождения». Например, у братьев Меллер-Закомельских значится, что они из российских дворян Белорусской губернии, но их отец — И. И. Меллер, получивший за воинские заслуги баронский титул, — происходил «из немецкой нации мейлан лютеранского закона». Иногда, из-за полной неизвестности отца, очень сложно что-либо сказать о национальности. В формуляре у А. Е. Анисо записано: «Из российских дворян коллежского ассессора сын». В данном случае можно только предположить, но не утверждать, что фамилия имеет романские корни (итальянские, французские?). Но встречаются и видоизмененные фамилии. Отцом генерала Ф. И. Древича («Из дворян Витебской губернии») был генерал-майор И. Г. фон Древич, перешедший в 1759 г. в русскую армию из прусской и получивший за службу именован в Витебской губернии⁹. Поскольку он долгое время командовал Сербским усаарским полком, то и его фамилия оказалась переименованной на югославянский лад.

Чаще всего лиц с европейскими фамилиями традиционно, со времен Ивана Грозного, когда среди иноземцев преобладал германский элемент, современники зачисляли в «немцы». Это само по себе создавало возможность ошибок. Возьмем случай с генералом Е. Ф. Керном (широкой публике его имя стало известно благодаря пушкинскому стихотворению). В формуляре Керна о происхождении сказано: «Из воинских дворян»¹⁰, но литературоведы дружно именовали его «немцем», что не совсем корректно. Предки Керна — протестанты из Англии, отец — полковник русской армии, сам он родился в г. Петровске Саратовской губернии. Что же касается британцев с английскими фамилиями, то они оказались представленными тремя адмиралами (Е. Е. Тет, В. Р. Розе, У. В. Мур) и лишь одним генералом — А. С. Феньшем.

Что касается поляков (10 человек), то их национальность устанавливается из записей в формулярах о принадлежности к польскому дворянству или на основании сведений о знании польского языка и латыни. Другая группа — греки-единоверцы (7 человек). Лишь двое из них являлись российскими уроженцами. Один — С. Х. Ставраков, сын отставного полпоручика из Полтавской губернии. В его формулярном списке даже не отмечено, что он знал греческий язык, хотя указаны немецкий, французский и итальянский. Другой — А. П. Мелиссино, внук выходца с о. Кафалония и сын известного артиллерийского генерала П. И. Мелиссино от брака с М. Д. Кацыревой — также вряд ли мог считаться стопроцентным греком, имея русскую мать и являясь в третьем поколении российским подданным (некоторые современники считали его сербом)¹¹. Остальные пятеро в детстве были вывезены из Греции и закончили в Петербурге специальное военно-учебное заведение — Корпус чужестранных единоверцев, где им преподавали и родной язык. Вместе с ними учились два православных крымских татарина — К. М. Балатуков и А. Я. Рудзевич.

Большой группой были представлены славянские выходцы с Балкан (9 человек), в России их всех именовали «сербами», хотя среди них встречались и представители других балканских народов. У многих предки переселились

в Россию еще в третьем и даже четвертом поколении. Естественно, у большинства записи в формулярах свидетельствовали о российском происхождении и о незнании сербского языка (Г. П. Веселицкий, М. А. Милорадович, Н. И. Десперадович, И. Г. Шевич). Впрочем, и у остальных записей о знании родного языка отсутствовала. Но здесь необходимо отметить и другой полюс. Два генерала — Г. А. Эммануэль (Мануилович) и А. А. Юрковский — имели запись в формуляре: «Из венгерских дворян» и формально (по знанию этого языка) имели основания считаться венграми, но оба исповедовали православие, поэтому никак не могли считаться таковыми. Правда, в среде образованного русского офицерства тогда было распространено заблуждение, что венгры — «одноплеменные с россиянами» и их легко можно будет поднять на восстание против австрийцев¹². Кроме того, два представителя «сербской нации», как записано в их формулярах, И. М. Дука и Г. А. Эммануэль (Мануилович) в 1812 г. еще даже не приняли российского подданства. Дука, уроженец германского г. Аахена, имел несколько необычный для славян титул барона. Эммануэль, перешедший из австрийской службы в русскую в 1797 г., «стал реверс никогда не воевать против Австрии». В кампании 1809 г. против Австрии он был вынужден, чтобы «не поднимать оружия против... прежних товарищей на ратном походе», подать рапорт с соответствующим ходатайством, и оно было удовлетворено¹³.

Выходцы из Закавказья также представляли крупную группу «близких единоверцев» в генералитете (15 человек). Из них 13 генералов послали грузинские фамилии. Так же, как и сербы, их предки в XVIII в. в разное время переселились в Россию; фамилии в значительной степени обрусевших потомков стали видоизменяться (Яшвили — Яшвил, Джавахишвили — Жеваховы, Шалкоцивили — Чаликовы, Ганиблшвили — Гангбловы, Багратиони — Багратионы, Панчулидзе — Панчулидзевы, Гуриэли — Гурьяловы). У потомков рода Бибилури-Нашкаревили фамилия изменилась на Лашкаревых и в формуляре генерал-майора П. С. Лашкарева на 1816 г. значилось: «Из русских дворян». В поздних генеральских формулярах только у двоих (С. Ю. Жевахова, Р. И. Багратиона) отмечено знание грузинского языка. Правда, биограф П. И. Багратиона полагает, что запись об умении читать и писать по-грузински имелась в ранних его формулярных списках и исчезла после 1794 года. Два генерала имели древние армянские корни. Карабахский князь В. Г. Мадатов, уроженец территории, только что вошедшей в состав Российской империи, знал не только русский и французский, но и набор местных языков — армянский, грузинский, персидский, татарский (азербайджанский), турецкий. Напротив, Д. А. Деянов представлял из себя потомка джувльфинских армян, бежавших из Персии в Россию в начале XVIII века. Он родился уже в московской колонии в 1761 г., и в его документах отмечено знание лишь русского языка¹⁴.

Если же говорить в целом о единоверцах и лицах, придерживавшихся близких к православию конфессий, то можно сделать вывод, что эта категория из-за культурной и религиозной близости оказалась наиболее подвержена ассимиляции. Этот процесс усиливался рядом объективных обстоятельств: малочисленностью, рассеянностью, отсутствием единой среды для компактного проживания на русских территориях. В какой-то степени те же факторы влияли и на западноевропейских «чужестранцев», кроме немцев, с XVIII в. селившихся в России своими многочисленными колониями. Остзейцы, длительное время проживая среди преобладавших в местном населении латышей и эстонцев, выработали стойкий национальный иммунитет. Будучи доминирующей нацией в Прибалтике, немцы оказывали на них мощное культурное воздействие. В этих условиях попадавшие в Россию западноевропейцы и их потомки вынуждены были делать выбор в пользу одного из культурно-религиозных центров: немецко-реформаторского или русско-православного. Имелся и польско-католический ареал влияния, но его притягательность ограничивалась географическими рамками бывшей Речи Посполитой. Кроме того, в высших слоях имперского общества утвердилось стойкое предубеждение (если не сказать больше) по

отношению к полякам. Для европейца, делавшего генеральскую карьеру в России, реально были открыты только два пути: или примкнуть к остзейцам в силу языковой и религиозной близости, или приблизиться к православию, что всячески поощрялось, но в те времена еще не стало заурядным явлением: примером может служить, видимо, лишь лифляндец П. К. Эссен — его отец еще до рождения сына принял православие.

Среди носителей иностранных фамилий самое большое место занимали немецкие роды — 129 человек. Условно, исходя из исторически сложившегося обособления, их можно разделить на прибалтийскую и германскую группы, и отдельно рассмотреть служивших немцев. Известный публицист Н. И. Греч, сам имевший немецкие корни, полагал: «Должно отличать немцев (или германцев) от уроженцев наших остзейских губерний: это русские подданные, русские дворяне, охотно жертвующие за Россию кровью и жизнью, и если иногда предпочитают природным русским, то оттого, что домашнее их воспитание было лучшее и нравственнее. Они не знают русского языка в совершенстве, и в этом виноваты не они одни: когда папа литература сравнивается с немецкою, у них исчезнет преимущественное папа литература сравнивается с немецкою, у них исчезнет преимущественное употребление немецкого языка». Развивая эту тему и переходя на лица, он добавлял: «Да и чем лифляндец Барклай менее русский, нежели грузинец Багратион? Скажете: этот православный, но дело идет на войне не о происхождении святого духа!»¹⁵. С последним тезисом вряд ли согласились бы все русские современники Греча. Как раз вероисповедание в данном случае, помимо языка и культурных особенностей, и служило главной чертой, отличавшей эту группу от основной массы подданных империи. Но Греч выразил то весьма специфическое положение, которое занимали остзейские губернии в составе России. Коренные жители смотрели на Прибалтику как на часть цивилизованной Европы, признавая общий более высокий культурный уровень бывших земель Ливонского ордена, чем в среднем по стране. В то же время европейцы, попадавшие туда, не видели различий, полагая, что это часть России, и даже остзейских дворян считали не немцами, а русскими. В определенном смысле прибалтийский регион был важным культурным буфером, или мостом, связывавшим Россию с Западом. Если же рассматривать родословную росинцев прибалтийского дворянства, то у многих предки имели не германское, а скандинавское происхождение, выехали в разное время из Дании, Норвегии, Швеции. Вероятно, остзейцы в силу своего исторического развития приобрели и многие только им присущие черты, отличные от других немцев. Неслучайно в русских документах фигурировал термин «лифляндская нация», помимо общего для них бытовавшего названия — остзейцы.

В формулярных списках генералитета 1812 г. 72 обладателя немецких фамилий прибалтийского происхождения, включая, однако, трех упомянутых «шотландцев». У генерала Н. Н. Муравьева в формуляре значилось: «Города Риги из дворян»¹⁶, но сомневаться в его «русскости» не приходится. Подсчет по губерниям выглядит следующим образом: 46 лифляндцев (включая выходцев из Дерптского округа, входившего тогда в Лифляндскую губернию), 17 эстляндцев и девять курляндцев.

40 человек условно мы отнесли к германцам (в их составе 5 протестантов с французскими фамилиями). На начало XIX в. Германия не представляла собой единого целого. Ряд крупных государственных образований соседствовал с конгломератом раздробленных мелких княжеств разовой империи. С незапамятных времен русские власти старались привлекать на военную службу выходцев из немецких земель, чему способствовали родственные связи династии Романовых в этом регионе. В результате среди генералов 1812 г. числилось девять августейших особ (принцы и герцоги) из германских монархических домов. Определенными историческими обстоятельствами и государственными связями можно объяснить и наличие в русской армии того времени семи саксонцев, шести пруссаков, пяти вюртембергцев, трех гессенцев. Остальные представляли широкий географический спектр лоскутных немецких княжеств. Некоторые представители германских родов

(Мантейфели, Дризены, Виттсштейны, Фоки, Левенштерны, Патоны, Энгельманы) с большим основанием могли — как курляндские, лифляндские и эстляндские дворяне — приравняться к «остзейцам», поскольку уже их отцы служили в российской армии. Большинство из остальных с юношеских лет находились на русской службе. Непосредственно до и в течение 1812—1813 гг. в ряды генералитета были привлечены всего семь германцев (К. Фуль, Л. Вольдоген, Ф. Тетенборн, И. Тилеман, Павел Вюртембергский, В. Дернберг, Л. Вальмоден-Гимборн). Упреки в вознании немцами русского языка в 1812 г. были верны лишь применительно к ним.

Промежуточное положение между прибалтийской и германской группой занимали генералы с немецкими фамилиями, связанные с российским дворянством, или их происхождение выглядело не совсем ясным. По формулярным спискам они значились дворянами (из военных дворян, из российских дворян, из военноопределяющихся, из чиновников с указанием чинов отцов), или, ввиду наличия имений и по местожительству отцов, числились в дворянском сословии определенных губерний. Таковых мы насчитали 17 человек. Именно эта категория немцев, поселившаяся среди русских (исключение составлял Петербург, где всегда было сильно немецкое представительство) и оказалась наиболее подверженной ассимиляции. Можно привести пример лицейского друга А. С. Пушкина барона А. А. Дельвига. Вот как, например, характеризовал его один из биографов: «Хоть и происходил от прибалтийских баронов, но родился от русской матери, в Москве... родным языком его был русский, а немецкому он, с грехом пополам, обучился только в лицее». Нечто подобное вспоминал про себя и известный мемуарист, смоленский дворянин (с немецкими корнями) Л. Н. Энгельгардт. Описывая свое обучение, в частности и языку предков, он отзывался о нем следующим образом: «Такое я получил омерзение к немецкому языку, что никогда не мог я порядочно знать по-немецки и разуметь, что читаю»¹⁷.

Другие европейские нации в российском генералитете представлены были пятью голландцами, четырьмя шведами (связанными так или иначе с Финляндией), двумя ирландцами, двумя швейцарцами и датчанином.

На русских православных приходилось 60% (с единоверцами иных национальностей — 66,5%), а каждый третий генерал носил иностранную фамилию и исповедовал иную религию.

В Петровские времена, когда русская регулярная армия организационно оформилась, было установлено (по штату 1711 г.), что иностранцы могли составлять лишь треть от общего количества офицеров в полках. Фактически же их численность тогда не превышала 13%, то есть была в 2,5 раза ниже установленного предела. В царствование Николая II число генералов с нерусскими фамилиями колебалось от 15 до 20%¹⁸. Таким образом, 1812 год, приходившийся на середину этого временного промежутка, резко выделяется. Между тем в офицерском корпусе 1812 г. носители иностранных фамилий не превышали 9—11,1%¹⁹. Национальный состав армейского «олимпа» отличался от состава офицерства.

Насыщение генералитета иностранцами и своими «доморожденными» особами с иноземными фамилиями объясняется не только исконной симпатией династии Романовых к европейским «кондотьерам» (особенно к «немцам»), но и практическими расчетами. Принятие на службу иностранцев (как правило из государств, союзных Франции и воевавших с Россией в 1812 г.) имело особый политический смысл. Россия оставалась одной из немногих стран, дававших прибежище антинаполеоновским элементам, и было бы неразумно отвергнуть их услуги. Можно только согласиться с мнением, высказанным Гречем: «Отказаться в крайних случаях от совета и участия иностранцев было бы то же, что по внушению патриотизма не давать большому хищнику, потому что она растет не в России»²⁰.

Конечно, те из чужестранных генералов, кто не владел русским языком (таковых было немало), едва ли могли с успехом командовать в боевых условиях и использовались как советники или штабные сотрудники. Именно в таком качестве проделал всю кампанию в России К. Клаузевиц, на

практике убсидившийся в невозможности «быть использованным толково, не зная языка». Он писал, что оказался «в положении глухонемого»²¹. И все же лучше было держать способных к военному делу иностранцев у себя, чем во вражеском лагере. Существовал и другой аспект. Находясь в чужой стране, эти ярые противники Бонапарта, состоявшие в непосредственном общении с российским императором, иногда выполняли функции своего рода соглядатаев, чутко следили за настроениями в армии и в случае нужды помогали пресекать нежелательные тенденции. В 1812 г. эту роль на себя взяли герцоги Александр Вюртембергский и Павел Фридрих Август Гольштейн-Ольденбургский. Именно к ним, как к близким родственникам монарха, апеллировали порой в своих спорах генералы, требуя их вмешательства в дела главнокомандующих под предлогом нарушения воли и интересов императора.

Практическая польза от пребывания иностранцев, помимо их участия в создании из пленных Русско-германского легиона, была получена уже в конце кампании 1812 г., когда русские «немцы» договорились с пруссаками и подписали Таурогенскую конвенцию, в результате чего целый прусский корпус оказался нейтрализованным. Еще больше выгод было извлечено при вступлении русских войск на территорию Западной Европы. Взрыв антинаполеоновского движения в Германии в какой-то мере был обусловлен деятельностью немецких родственников династии Романовых и «германцев», одетых в русские мундиры. В 1814 г. с перенесением военных действий во Францию командованию очень пригодились и французские эмигранты на русской службе. Помимо контактов с местной администрацией и общественными кругами, многие из них потом заняли высокие посты в государственном аппарате возрожденного французского королевства. Наличие и использование иностранцев полностью отвесало в целом оправдавшие себя стратегическому курсу Александра I, рассчитанному на несколько лет борьбы с Наполеоном.

Карьерным успехам служивших в русской армии носителей иностранных фамилий способствовал и их более высокий, по сравнению с русскими дворянами, образовательный уровень. Для большинства, включая и остзейцев, служба являлась единственным или основным источником существования. Кроме жалования они, как правило, не имели никакого иного материального обеспечения, поэтому ценили возможность служить, держались за свои должности и стремились зарабатывать чины. Большинство же русских, даже мелкопоместных дворян, дослужившись до штаб-офицерских эполет, подавали в отставку или переходили в гражданскую сферу.

В то же время насыщение генеральской среды иноземцами неизбежно вызвало психологическую реакцию. Весь XVIII век русское дворянство, несмотря на предубеждение к иностранцам, корнями уходившее в допетровское прошлое, мирно уживалось, хотя и конкурировало с «немцами». Мирному существованию во многом помогали имевшиеся противоречия в дворянской среде. Московское дворянство постоянно фрондировало по отношению к сановной элите Петербурга. Да и в военной и бюрократической верхушке всегда находились противоборствующие группировки, что часто приводило к дворцовым переворотам.

1812 год если и не сгладил социальные трения внутри русского дворянства, то отодвинул их на второй план. Патриотический подъем, а также недовольство иностранным «засильем» в верхах армии, в военном окружении царя закономерно создавали почву в офицерской и генеральской среде для создания уже на начальном этапе войны неформальной группировки, которую можно назвать «русской» партией. В историографии еще полностью не исследованы вопросы о составе, деятельности и идеологии данной группы, не устоялся и термин²². Ввиду преобладания германских фамилий в стане иноземцев, немцы и стали главными мишенями для критики генералов-патриотов.

По мере развития военных действий национальные, профессиональные и социальные аспекты в генеральской «фронде» 1812 г. приобретали специфические черты и формы выражения. Александру I приходилось считаться

с настроениями «патриотов» и жертвовать в угоду критикам «немецкого» засилья рядом заранее подготовленных на этот случай фигур. Первым для удовлетворения гнева русских военачальников на заклятие отдали К. Фуля, автора скандального Дрисского проекта. Вторым для генеральского жертвоприношения был подготовлен разрабочник и главный исполнитель плана отступления Барклай. Не исключено, что в запас имелись и другие кандидатуры. Например, раздражала быстро восходившая звезда Ф. О. Палулучи. Штабные генералы буквально «свели» титулованного итальянца в течение нескольких дней, так что он просто не успел войти в роль козла отпущения. Но широкомасштабных национальных гонопений в генералитете (каковые случались в истории русской армии) военной оппозиции организовать не удалось, хотя уже под Смоленском борьба за национальную чистоту сопровождалась взрывом шпиономании. Были высланы из армии четыре царских флигель-адъютанта, поляки, руководитель разведки 2-й армии французский эмигрант подполковник маркиз Мориз де Лезер, высказывались также подозрения о пинюнской деятельности ряда французев на русской службе, а также баронов Л. И. Вольдгогена и В. И. Левенштерна²³. В данном случае больше пострадали не немцы, а поляки и французы. В какой-то степени этот инцидент напоминал давний «спор славян между собою» и во многом свелся к застарелым претензиям православных к католикам. Лишь после избрания М. И. Кутузова единым главнокомандующим национальный аспект в генеральских спорах потерял свою прежнюю актуальность.

Генералитет 1812 года отражал все сочетание национальных, религиозных, династических и политических особенностей Российской империи и ее международных связей. По словам Греча, «дело против Наполеона было не русское, а общеевропейское, общечеловеческое, следовательно, все благородные люди становились в нем земляками и братьями»²⁴. На этом поприще они по-разному проявили себя, оставили свой след, а их биографии стали неотъемлемой частью русской военной истории.

Примечания

1. Русские генералы в войнах с наполеоновской Францией в 1812—1815 гг. В кн.: Российский архив. Т. 7. М. 1996, с. 257—645.
2. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), ф. 489, оп. 1, л. 2994, л. 350—351; л. 7058, ч. 1, л. 41—45; ч. 3, л. 1037—1038, 1468—1471; л. 7062, л. 99—100; Государственный исторический музей. Отдел письменных источников (ОИИ ГИМ), ф. 160, л. 238, л. 137—138.
3. Заполняемая графа выглядела следующим образом: «Из какого состояния, и буде из дворян, то не имеет ли крестьян, а если имеет, то где, в каких селениях и сколько именном».
4. МИЛЮТИН Д. А. Воспоминания. М. 1997, с. 424, 432; Быт и нравы русской армии после 1812 года. СПб. 1912, с. 73; КЛАУЗЕВИЦ К. 1812 год. М. 1937, с. 141; ОИИ ГИМ, ф. 160, л. 238, л. 225—227.
5. Генсалогию Барклая в современной литературе см.: БАЛЯЗИН В. Н. Фельдмаршал М. Б. Барклай-де-Толли. М. 1990, с. 3—9; ТОТФАЛУШИН В. П. М. Б. Барклай де Толли в Отечественной войне 1812 года. Саратов. 1991, с. 7—9; ТАРТАКОВСКИЙ А. Г. Неразгаданный Барклай. М. 1996, с. 11—18.
6. РГВИА, ф. 489, оп. 1, л. 7046, л. 46—47; л. 7058, ч. 2, л. 821—822; л. 7053, л. 2—3; л. 7060, л. 598—599; ДЕ МЕСТР Ж. Петербургские письма. СПб. 1995, с. 37.
7. РГВИА, ф. 489, оп. 1, л. 7058, ч. 1, л. 428—437; ч. 3, л. 1313; ОИИ ГИМ, ф. 137, л. 862, л. 61—99.
8. ОИИ ГИМ, ф. 150, л. 238, л. 65—68; Секретная переписка генерала П. И. Багратиона. М. 1992, с. 170.
9. РГВИА, ф. 489, оп. 1, л. 7060, л. 484—489; СУВОРОВ А. В. Письма. М. 1986, с. 484—485; ЭНГЕЛЬГАРДТ Л. Н. Записки. М. 1997, с. 18.
10. РГВИА, ф. 489, оп. 1, л. 7058, ч. 2, л. 565—569.
11. Там же, л. 7060, л. 483—486; КЕРН А. П. Воспоминания. Дневники. Переписка. М. 1989, с. 112.

12. РГВИА, ф. 489, оп. 1, л. 7062, л. 721—730; л. 7060, л. 296—297; События Отечественной войны 1812 года на территории Калужской губернии. Малоярославец. 1995, с. 31.
13. РГВИА, ф. 26, оп. 1/152, л. 420, л. 611—612; ф. 29, оп. 1/153в, л. 90, л. 161об.—162; ГОЛИЦЫН Н. Б. Жизнеописание генерала от кавалерии Емануэля. СПб. 1851, с. 11. (За указание на архивные данные приношу благодарность И. С. Тихонову.)
14. РГВИА, ф. 489, оп. 1, л. 7058, ч. 3, л. 1045; л. 2312, л. 2—3; ч. 2, л. 670—673, 779—783, 865—870.
15. ГРЕЧ Н. И. Записки о моей жизни. М. 1990, с. 211—212.
16. РГВИА, ф. 489, оп. 1, л. 7060, л. 383—384.
17. ВЕРЕСАЕВ В. Слутники Пушкина. Т. 1. М. 1993, с. 79; ЭНГЕЛЬГАРДТ Л. Н. Ук. соч., с. 18.
18. РАБИНОВИЧ М. Д. Социальное происхождение и имущественное положение офицеров регулярной русской армии в конце Северной войны. В кн.: Россия в период реформ Петра I. М. 1973, с. 154; ЗАЙОНЧОВСКИЙ П. А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX и XX столетий. М. 1973, с. 198—199.
19. ЦЕЛОРУНГО Д. М. Офицерский корпус русской армии эпохи 1812 года по формулярным спискам. Кннд. дис. М. 1996, с. 248; его же. Военная карьера офицеров русской армии 1812 года — выходцев из различных регионов России и стран зарубежья. В кн.: 185 лет Отечественной войне 1812 года. Саратов. 1997, с. 101—109.
20. ГРЕЧ Н. И. Ук. соч., с. 212.
21. КЛАУЗЕВИЦ К. Ук. соч., с. 245.
22. Например, В. В. Пугачев считал, что «русская» партия сложилась лишь после окончания наполеоновских войн и возглавлял ее П. М. Волконский (ПУГАЧЕВ В. В. Денис Давыдов и декабристы. В кн.: Труды Музея истории и реконструкции Москвы. Вып. 8. М. 1963, с. 111.). В монографии А. Г. Тартаковского, где едва ли не впервые разбираются генеральские распри первого периода войны, эта группировка названа «партией» Багратиона (ТАРТАКОВСКИЙ А. Г. Ук. соч., с. 83). Подробнее о борьбе группировок в русской армии см.: От Москвы до Парижа (1812—1814). Малоярославец. 1998, с. 9—45.
23. Русский архив. 1892. № 3, с. 443—444; Русская старина. 1900. № 12, с. 568—569.
24. ГРЕЧ Н. И. Ук. соч., с. 211.